

СОФТ

*Посвящается Элу Гумбольду,
Эмбри Рюкер и Дэннису Поаджу*

ГЛАВА 1

Как правило, Кобб Андерсон держался дольше, но ведь не каждый день видишь в море дельфинов. Дельфинов было двадцать, а может, и все пятьдесят, они весело кувыркались среди серых маленьких волн, то и дело выпрыгивая из воды. Наблюдать за ними было приятно. Кобб решил, что это не иначе как знамение, и отправился за вечерней бутылкой шерри на час раньше обычного.

Входная дверь — каркас с сеткой от москитов — со стуком захлопнулась за ним, и несколько секунд он стоял в нерешительности, ошалев от послеполуденного солнца. Из окна соседнего коттеджа его разглядывала Энни Кашинг. Она слушала битлов — из ее уютного гнездышка доносилась музыка.

— Ты забыл надеть шляпу, — крикнула она Коббу.

Широкоплечий, с бородой Санта-Клауса, Кобб все еще оставался видным мужчиной. Энни с удовольствием затеяла бы с ним интрижку, не будь он таким...

— Мне не нужна шляпа, Энни. Ты видела дельфинов? Видела, как они радостно резвятся? Мне не нужна шляпа, Энни, и жена не нужна тоже.

Кобб повернулся и, разминая затекшие ноги, слегка скованно зашагал к асфальтовой дороге, с хрустом дробя каблуками белые хрупкие раковины.

Энни взялась за расческу и снова занялась своими волосами. Благодаря использованию гормонального спрея ее светлые локоны оставались длинными и густы-

ми. Ей было шестьдесят, и на ощупь она была отнюдь не костлявой. Проводя раз за разом гребнем по волосам, она лениво раздумывала, насколько велики шансы, что Кобб пригласит ее на Золотую Годовщину в следующую пятницу.

Длинный заключительный аккорд из «Day in the Life» повис в воздухе. Спроси кто-нибудь Энни, какую песню она только что слушала, она не смогла бы ответить — вот уже десять лет, как любая музыка перестала вызывать в ее душе какой-либо отклик, — но она неторопливо пересекла комнату и перевернула пластинку. «Мне все это так надоело, — подумала она в тысячный раз. — Хоть бы что-нибудь произошло».

В «Суперетта» Кобб взял кварту охлажденного дешевого шерри и присоединил к излюбленному напитку мокрый бумажный пакетик вареного арахиса. Теперь у него было почти все, что нужно. Оставалось найти чем занять глаза.

Выбор журнальчиков в «Суперетта» не шел ни в какое сравнение с тем, что можно было найти в «Кокосах». После непродолжительных раздумий Кобб остановился на газетенке любовных объявлений «Поцелуй и Разговоры». Почитать этот листок всегда было занятно, там попадалось немало любопытного, а кроме того, подателями большинства объявлений в нем были такие же семидесятилетние хиппи, как и сам Кобб. Он сложил газету так, чтобы наружу выступал только заголовок «ПОЖАЛУЙСТА, СОЖМУРЬ МЕНЯ».

«Интересно, сколько можно смеяться над одной и той же шуткой», — думал Кобб, стоя в очереди в кассу. С каждым днем секс начинал казаться ему все более и более странным занятием. Его взгляд переместился на стоящего впереди мужчину в светло-голубой шляпе из пластиковой сетки.

Сосредоточившись на шляпе, Кобб увидел перед собой измятый голубой цилиндр. Расфокусировав взгляд, он смог проникнуть сквозь отверстия сетки и увидеть плавную кривую гладкой лысины под ней. Черепашьи

складки кожи на шее и лысина; костистая пятерня, бережно сгребаящая с конторки мелочь. Знакомые черты.

— Привет, Фаркер.

Фаркер закончил обследование выданных ему монеток и развернулся. Заметил в руках Кобба бутылку.

— Не рановато ли для «часов отдохновения душевного»?

В голосе звучали ворчливые нотки. Фаркер считал своим долгом проявлять о Коббе отеческую заботу.

— Сегодня пятница. Жмурь крепче, старина.

Кобб продемонстрировал Фаркеру заголовок газеты.

— Семь восемьдесят пять, — сообщила кассирша Коббу. Ее светлые волосы были завиты и разукрашены перышками. Она сильно загорела, эта кассирша. Кожа приятная для глаз, гладкая и, наверное, мягкая.

Кобб удивленно изогнул губу. Он уже успел сосчитать стоимость покупки и теперь сжимал деньги в кулаке для расчета.

— Мне казалось, должно быть шесть пятьдесят.

Поневоле он принялся снова вспоминать и складывать цифры.

— Номер моего абонентного ящика, — ответила кассирша, кивнув на газетенку. — В «Поцелуях и Разговорах».

Женщина игриво улыбнулась и забрала у Кобба деньги. Она гордилась объявлением, которое отослала в газету в этом месяце. Она специально заказывала свое художественное фото в ателье.

Когда они оказались снаружи, Фаркер вернул газетенку Коббу.

— Это не для меня, Кобб. Ты же знаешь, я все еще состою в браке, в счастливом браке. Бог помогает мне.

— Арахису хочешь?

Фаркер достал мокрый неочищенный орех из маленького пакетика. Пытаться очищать арахис трясущимися скрюченными пальцами было бесполезно, поэтому он отправил орех целиком в рот. По прошествии минуты тщательных глубокомысленных операций сплюнул скорлупу в траву.

Поедая мучнистые орехи, они двинулись к пляжу. И тот и другой были без рубашек, только в шортах и сандалиях. Полуденное солнце приятно пригревало их спины. Нарушив уличную тишину, мимо них протарахтел грузовичок Мистера Морозиса.

Кобб с хрустом отвернул колпачок на своей темно-коричневой бутылке и сделал первый сладостный глоток. Попытался вспомнить номер абонентного ящика, который сообщила кассирша, и не смог. Числа больше не держались в его голове. Сейчас вряд ли кто бы поверил, что когда-то он был кибернетиком. Задумавшись об этом, он вспомнил своих первых роботов и то, как он учил их думать самостоятельно...

— Продуктовые посылки последнее время приходят крайне нерегулярно, — пожаловался Фаркер. — А еще я слышал, что в Дейтона-Бич появилась новая секта ритуальных убийц. Они называют себя «мальшишутники».

Фаркер повернулся к Коббу, чтобы выяснить, слушает тот его или нет. В белой бороде Кобба по углам рта от шерри пробились желтые дорожки, а бесцветные глаза были пусты.

— Да, продуктовые посылки, — выпалил Кобб, внезапно возвращаясь в мир обычных людей. У него была отвратительная привычка поддерживать беседу, тупо повторяя ту последнюю фразу, которую сумело зарегистрировать его сознание. — В последний раз меня просто завалили жратвой.

— Будь осторожнее с едой из этих посылок, — наставительно сказал ему Фаркер. — Там содержатся добавки специальных вакцин. Я скажу Энни, чтобы она проследила.

— Почему все так цепляются за жизнь, черт побери? Я вот бросил жену и переехал сюда, чтобы дожить свои дни в пьянстве и покое. Она дожидаться не могла, когда я отвалю. Почему тогда... — Голос Кобба сорвался.

Сказать по правде, он боялся смерти. Он сделал короткий, лечебный глоток из бутылки.

— Будь у тебя на душе покой, ты бы столько не пил, — успокоительно заметил Фаркер. — Пьянство есть признак неразрешенных внутренних конфликтов.

— Без балды? — густым голосом переспросил Кобб. В омывающем его золотом солнечном тепле он ощущал наливающую тело приятную тяжесть. Шерри уже дал о себе знать. — Вот основной мой неразрешенный конфликт. Внутренний. — Он провел пальцем сверху вниз вдоль белого шрама, вертикально рассекавшего его волосатую грудь. — На второе подержанное сердчишко денег у меня уже не хватит. Через год-два эта дешевка лопнет в груди, как перезрелый помидор.

Фаркер поморщился.

— И что с того? Проживи эти два года *как следует*.

Кобб снова провел пальцем по шраму, на этот раз снизу вверх, словно застегивая на нем невидимую молнию.

— Я хорошо помню, как это было, Фаркер. Я помню это на вкус. Это самое худшее воспоминание моей жизни.

Он закрыл глаза и вздрогнул от поднявшихся из глубин памяти темных воспоминаний... острые зубы, облака с рваными краями... и не сказал больше ничего.

Фаркер взглянул на наручные часы. Ему пора было идти, иначе Цинция могла бы подумать...

— Знаешь, как сказал Джимми Хендрикс? — спросил его Кобб. Знаменитые слова снова придали гулкость его голосу. — «Когда придет мне время умирать, я сделаю это один. Так что покуда я жив, не мешайте мне жить так, как мне нравится».

Фаркер покачал головой:

— Взгляни правде в лицо, Кобб. Если бы ты не пил, ты мог бы заработать большие деньги. Гораздо больше, чем заработал с бутылкой в руке.

Решительным жестом Фаркер отверг возражения, уже готовые сорваться с губ друга.

— Мне пора возвращаться. Счастливо.

— Пока.

Кобб добрал до конца асфальтовой дорожки, перевалил через небольшую дюну и вышел на пляж. Сегодня на пляже не было ни души, и он уселся под своей любимой пальмой.

Время от времени налетал легкий бриз. Принося с собой мелкие песчинки, ветер ласкал лицо Кобба, забирался под его белоснежные усы. Дельфины больше не появлялись.

Прихлебывая шерри, он предался воспоминаниям. Думать можно было обо всем, кроме двух вещей: собственной смерти и жены Верены, которую он бросил. Шерри помогал ему удерживаться вдали и от того, и от другого.

Солнце уже клонилось к закату, когда перед ним появился незнакомец. Широкоплечий и стройный, сильные руки и волосатые ноги, округлая белая борода. Как у Санта-Клауса или Эрнеста Хемингуэя в тот период, когда он решил испробовать на себе свою охотничью двустволку.

— Привет, Кобб, — сказал ему мужчина. Незнакомец был в солнечных очках и имел вид странно-тревожный. Его шорты и спортивная рубашка блестели.

— Не хотите глотнуть? — Кобб протянул знакомцу полупустую бутылку. «С кем это я разговариваю? — подумал он. — Если только это вообще мне не мерещится».

— Нет, спасибо, — поблагодарил незнакомец и уселся рядышком на песке. — На меня эта штука совсем не действует.

Кобб посмотрел на мужчину внимательней. Что-то в нем показалось знакомым...

— Пытаетесь вспомнить, где меня видели? — спросил его незнакомец. — Все очень просто: я — это вы.

— Кто?

— Вы — это я.

Незнакомец улыбнулся Коббу его собственной, скупой и жесткой улыбкой.

— Я механическая копия вашего тела.

Лицо было здорово похоже, и даже шрам, виднеющийся в незастегнутой рубашке, был на месте. Шрам от сердечного трансплантата. Единственное, чем двойник отличался от Кобба, было равнодушие к окружающему, подвижность и здоровье, которым от него так и пышело. Ладно, назовем его Кобб Андерсон — второй. Кобб-второй не пьет. Кобб почувствовал зависть. После того как ему сделали операцию и он бросил жену, у него не было ни одного целиком трезвого дня.

— Откуда вы взялись?

Робот развел рукой, держа ее ладонью вверх. Коббу понравилось, как этот жест выглядит со стороны.

— Этого я сказать не могу, — ответила машина. — Вы же знаете, как к нам относится большинство людей.

Кобб со смешком кивнул. Уж кто-кто, а он это знает. Вначале, после того как было объявлено, что первый лунный робот Кобба прошел все ступени саморазвития и превратился в боппера, публика готова была его, Кобба, на руках носить. Но потом грянул 2001-й — год знаменитого переворота, возглавленного Ральфом Числером. После этого Коббу пытались пришить дело о государственной измене. Усилием воли он вернулся к действительности.

— Если ты боппер, то каким образом находишься... здесь? — Кобб обвел рукой широкий круг, указав на разогретый пляж и уходящее за горизонт солнце. — Такая жара. Насколько мне известно, основу бопперов составляют сверхохлажденные проводники. Где у тебя находится холодильная установка, в животе?

Андерсон-второй снова, очень знакомо, махнул рукой.

— Об этом я вам тоже не скажу, Кобб, по крайней мере, сейчас. Позже вы все узнаете сами. А пока возьмите-ка это...

Робот засунул руку в карман шорт и вытащил оттуда пачку банкнот.

— Двадцать пять кусков. Мы хотим, чтобы вы улетели в Диски завтра же. Там вас встретит Ральф Числер. Вы увидите с ним в музее, в зале Андерсона.

При мысли о возможности снова повидаться с Ральфом Числером у Кобба потеплело на душе. Ральф, его первое и самое талантливое детище, самопрограммирующаяся модель, освободившая остальных своих собратьев. Однако...

— Мне не дадут визу, — ответил Кобб. — Я в этом уверен. Мне не разрешено покидать территорию Гимми.

— Предоставьте нам позаботиться об этом, — деловито отозвался робот. — Оформить формальности вам помогут. Мы над этим уже работаем. В ваше отсутствие я буду вас здесь подменять. Все продумано, никто ничего не заметит.

Напористость и настойчивость лишенного сомнений тона машины показали Коббу подозрительными. Он глотнул шерри и попытался сыграть заковыристого парня.

— А в чем, собственно, дело? Почему я должен лететь на Луну? Мне этого совсем не хочется. И что от меня хотят бопперы?

Андерсон-второй окинул подозрительным взглядом пляж и придвинулся ближе.

— Мы хотим предложить вам бессмертие, доктор Андерсон. После всего того, что вы для нас сделали, это самое малое, чем мы можем вас отблагодарить.

Бессмертие! Слово, напоминающее распахнувшееся настежь окно. Когда смерть так близка, многое перестает иметь значение. Но если это возможно...

— Каким образом? — потребовал разъяснений Кобб. С этими словами он вскочил на ноги. — Каким образом вы собираетесь сделать меня бессмертным? Может, вы мне и молодость заодно вернете?

— Ну зачем так волноваться, — сказал робот, тоже поднимаясь. — Вам вредно перевозбуждаться. Просто доверьтесь нам. При имеющихся в нашем распоряжении количествах искусственно выращенных органов мы можем перестроить ваше тело полностью. В вашем распоряжении будет столько интерферона, сколько понадобится.

Механический человек честным взглядом посмотрел Коббу в глаза. Ответив на взгляд машины, Кобб отметил

для себя, что ее искусственные органы зрения выполнены не самым лучшим образом. Маленькие голубые кружки радужки казались слишком плоскими и ровными. В конце концов, этот глаз был не более чем стеклом, обычным, ничего не отражающим стеклом.

Двойник попытался впихнуть в кулак Кобба деньги.

— Берите деньги и купите билет на челнок, завтра же. В космопорте в помощь вам будет приставлен молодой человек по имени Торч.

Откуда-то из-за дюн послышалась быстро приближающаяся музыка. Грузовичок Мистера Морозиса, точно такой же, какой Кобб видел недавно, подрулил к пляжу и остановился в отдалении. Белый грузовичок, вполне обычный, с большим холодильником в задней части кузова. Наверху кабины торчит гигантский улыбающийся пластиковый рожок эскимо. Двойник хлопнул Кобба по плечу и зашагал к выходу с пляжа.

Добравшись до грузовичка, робот обернулся и широко улыбнулся Коббу. Два ряда желтых зубов проявились в белой бороде. Первый раз за последний год Кобб понравился самому себе — стройный широкоплечий старик с живыми глазами.

— Счастливо! — крикнул он в ответ, махнув пачкой денег. — Спасибо!

Кобб Андерсон — второй упруго запрыгнул на подножку грузовичка и уселся на место рядом с водителем, голым по пояс толстяком с коротко подстриженными волосами ежиком. Грузовик тронулся с места, и музыка сразу утихла. Опускались сумерки. Ворчание мотора грузовичка постепенно слилось с шелестом морских волн и пропало. Если только было вообще.

Но незнакомец только что был здесь, рядом с ним! В кулаке Кобб сжимал двадцатипяти тысячную пачку долларов. Чтобы убедиться в этом, он пересчитал деньги дважды. Потом написал на песке перед собой цифру 25000 и посмотрел на нее. Это была пропасть денег.

К наступлению ночи он прикончил шерри и под влиянием внезапного порыва, засунув деньги в пустую бутылку, закопал ее под пальмой под слоем песка в метр